

Предложенный вариант с применением современных строительных материалов и требований выступает как указатель наличия памятника и сохранности его от внешних воздействий. Приданный объекту облик башни XIV в. является спорным, но несмотря на театрализованность, все же напоминает о первоначальном облике, о некой связи времен посредством архитектуры. Аутентичные остатки встроены в объем здания, первый этаж служит входной зоной и местом обозрения памятника. Смотровая площадка позволяет туристам познакомиться с уникальным объектом средневекового оборонительного зодчества, а верхние этажи павильона, где целесообразнее было бы создать музей оружия, сегодня используются в качестве выставочного зала, посвященного истории фестиваля «Славянский базар».

Стурейко С.А.

ПРОБЛЕМА ВЫЯСНЕНИЯ ИСТОКОВ ПОЧИТАНИЯ НАСЛЕДИЯ И ЕГО СТИМУЛИРОВАНИЯ

Гродно, Республика Беларусь

Сталкиваясь с теоретическими проблемами историко-культурного наследия, я часто задавался вопросом о происхождении почитания наследия, о корнях этого феномена. Почему людям так важно любоваться и пользоваться именно этими зданиями?.. Часто эстетически непривлекательные, нефункциональные объекты наследия требуют к себе повышенного внимания, требуют капиталовложений и мобилизуют людей на собственную охрану. В данной статье хотелось бы обратиться к важнейшей части теории наследия – попытке объяснения его феномена.

Самой распространенной версией происхождения почитания наследия является теория эволюционного накопления осознаваемых ценностей архитектуры. Согласно ей раньше будто бы люди не умели ценить памятники старины, не оказывали им должного внимания и уважения. Им ничего не стоило разрушить памятник, разобрать его на строительный материал. Сохранность определенных объектов при этом объясняется прочностью их изначальной постройки. Затем люди начали сохранять и ремонтировать наиболее красивые здания (первая базовая ценность – художественная). Следующим этапом стало сохранение и почитание зданий, напоминающих о наиболее славных событиях прошлого (осознание исторической ценности). После этого счастливую участь быть сохраненными разделили и просто самые старые здания (ценность времени).

Данная теория эволюции ценностного наполнения наследия была сформулирована в работах первых теоретиков наследия – Д. Рёскина [7], А. Ригла [6], М. Дворжака [4] и других.

«Эволюционисты» говорят и о постепенном нарастании объема охраняемого наследия по мере смены исторических периодов: в эпоху Ренессанса начали охранять античное наследие, в XVIII в. – взялись за готику. Конец XIX и начало XX вв. стали вершиной эволюционной модели, когда за памятником признали право на содержание исторических напластований, стали охранять не стиль, а собственно объект во всем богатстве его внутренних культурно-исторических смыслов.

Теория эволюции ценностей с позиций нынешних знаний истории идей вызывает обоснованные сомнения. При ближайшем рассмотрении мы обнаружим, что в каждой исторической эпохе, начиная с античности, имелись примеры особого отношения к наследию, природе которого историкам объяснить довольно сложно. В любом случае, принятие решений всегда было результатом анализа множества взаимовлияющих факторов.

Наиболее популярная сегодня в передовых научных кругах теория развития почитания наследия – «конструктивистская» теория. Согласно ей памятники являются социальным конструктом, созданным и популяризированным средствами массовой информации для обеспечения достижения различных целей – политических, экономических и других.

Что согласно такому подходу делают люди с реликтами прошлого, дабы «превратить» их в свое наследие? Наиболее общая версия изложена в работе Д. Лоуэнталя «Прошлое – чужая сторона». Во-первых, заинтересованные люди идентифицируют и помечают объекты, удовлетворяющие ряду условий в качестве «памятников прошлого»; во-вторых, они демонстрируют эти объекты другим людям; в-третьих, защищают их от разрушительных воздействий природы и цивилизации (например, в противоречии с предыдущим пунктом, ограничивают к ним доступ публики); в-четвертых, реставрируют в предполагаемом прежнем облике; в-пятых, перемещают в специальные хранилища, в другие города и страны; в-шестых, приспособливают (например, исторические здания) к новым функциям. Параллельно создаются новые, искусственные реликвии: дубликаты, не претендующие на подлинность; подделки, выдаваемые за оригиналы; инсценировки исторических событий (сражений и т.п.); эмуляции, то есть обновленные, переосмысленные подражания; коммеморации, то есть монументы и мемориалы, служащие условными знаками фактов прошлого [2, с. 409-491].

Наследие – это одновременно и социальный факт, и социальный конструкт. Как все остальные социальные факты оно одновременно обладает активными и пассивными свойствами. Его пассивность оставляет за ним удел подчиненности естественному отбору, селекции: большинство элементов архитектурных объектов (любого вида и размера) не попадает в область наследия. Его активность заключается в способности

оказывать воздействие. Если какие-либо объекты были кем-то определены как наследие, они начинают накапливать и проявлять свою силу. Они начинают жить собственной жизнью, которая влияет на жизнь людей, на их способ мышления и в конечном счете может определять их политический выбор. Наследие становится репрезентацией мнения населения о самом себе. Неслучайно развитие научной теории охраны наследия совпало с изобретением и распространением концепта «национализма» в Европе [5].

Какой бы привлекательной для объяснения почитания наследия не казалась данная теория, все же необходимо иметь в виду наличие ряда контраргументов. Во-первых, как и большинство современных идей, идеи наследия не являются «родными» для большинства народов и не являются в любом случае обязательным, единственным или наилучшим путем конструирования отношений различных идентичностей на переходе от прошлого к настоящему. Многие объекты наследия почитаются не из-за их идейных качеств, но исключительно из-за эстетических или функциональных. Во-вторых, как же быть с мелкими объектами, не ставшими объектами социального конструирования или даже противоречащими национальным мифам? В каждом населенном пункте вы без особого труда найдете объекты, одновременно почитаемые местными жителями и опровергающие национальный дискурс. В Варшаве это здание Дворца культуры и науки, в Гродно – плитка «Magistratmiasta Grodno». Практически в каждом городе Центральной Европы почитаются памятники советским воинам-освободителям от немецкой оккупации.

Таким образом, конструктивизм не является непосредственным источником почитания наследия. Это, скорее, механизм использования данного явления в корыстных целях определенных общественных групп.

Следующую теорию почитания наследия можно условно назвать структурной. Антрополог К. Леви-Стросс пишет, что в каждой культуре существуют универсальные институты, которые могут выражаться совершенно по-разному, тем не менее выполняя одну культурную функцию [1]. На наш взгляд одним из таких институтов как раз и является «культ наследия». Скорее всего почитание наследия – это материализованный культ предков. Вполне возможно даже, что центральное сущностное место в почитании материальных «остатков» прошлого играли не предки, а сама память о былых временах, стремление легитимировать практику воспоминания. Последняя же, вероятно, является одним из защитных механизмов человеческой психики, выражается в стремлении вырваться за пределы настоящего пространственно-временного пространства. Отсюда же черпают силу и такие явления современности, как чтение художественной литературы, ту-

ризм и даже компьютерные игры. Кроме того, необходимо помнить какую сакральную роль в жизни человека всегда играла традиция. Часто объекты наследия играют двоякую роль и могут побуждать к воспоминаниям помимо воли субъекта.

Архитектура является колоссальным и, вероятно, только теперь осознанным и начинающим цениться носителем информации, прежде всего информации о прошлом. Исконно строительство сооружений любого размера и любого функционального предназначения, как в сельской местности, так и в городах, сопровождалось массой культурно-обусловленных правил. Это – соблюдение множества примет и обычаев, традиционность строительной практики. Некоторые исследователи называют это явление «прогрессирующей ностальгией» по «прошлому» родному дому, где под домом может пониматься не только жилище, но и «добрые старые времена». Как говорится, хорошо там, где нас нет. Это явление хорошо описал французский философ П. Нора [3].

Дальнейшее развитие структурной теории происхождения наследия позволяет сделать ряд эмпирических предположений, которые социально-культурным антропологам еще предстоит проверить.

Во-первых, количество памятников в каждой культуре соразмерно потребности в памяти. Если институт памяти в различных культурах развит одинаково, следовательно, и общий объем наследия в этих культурах приблизительно равен. Дело только в том, что он может не совпадать типологически.

Во-вторых, чтобы по настоящему оценить весь объем наследия в его типологическом многообразии, необходимо быть членом исследуемой культуры. Только ее истинный представитель умеет считывать нужную информацию с материальных объектов.

В-третьих, ценностное значение, придаваемое отдельным, типологически равным объектам наследия, в каждой культуре приблизительно равно. Поэтому Кельнский собор по своей культурной роли и степени воздействия на жителей города вполне соразмерен, к примеру, церкви Св. Николая в белорусских Поставах.

На наш взгляд дополнительный импульс стимулированию почитания архитектурного и иного наследия может быть предан только если ответственные менеджеры будут осознавать его истоки и соответствующим образом канализировать внутренние импульсы человеческой психологии памяти. Использование чуждых методов развития наследия, калькирование экономически-обоснованных ревитализационных моделей и слепое следование в русле экономической и культурной глобализации не способствует эффективному использованию неисчерпаемого потенциала объектов старины. Гармоничное развитие исторических территорий, исключая возникновение социальных конфликтов на почве наследия (что, к сожалению, часть имеет место и

в Беларуси, и в других европейских государствах) возможно только при максимально возможном использовании потенциала гражданского общества (прежде всего локальных сообществ) в обнаружении, охране и использовании наследия.

Сегодня для развития уважительного отношения к памятникам сформировались все необходимые условия. Об этом свидетельствует то, что количество охраняемых и почитаемых памятников растет.

Европейская теория наследия демонстрирует нарастание типологического разнообразия наследия. Если исторический рост объема представляет собой охрану объектов предшествующих эпох по мере их смены и является естественным процессом (в последнее время архитектурное наследие «приросло» советскими памятниками), то типологический рост значительно ускорился именно в прошлом столетии. С парадных и культовых объектов в городах консерваторы переключились сначала на рядовую каменную жилую застройку. Затем охраняться стало деревянное наследие, промышленное. Теперь охраняют и сельское архитектурное наследие, и даже целые культурные ландшафты, включающие пространственную компоновку, элементы инфраструктуры, экосистему и хозяйственный уклад исторической территории. Найти внешнее объяснение подобного роста просто: охраняется все, что подвергается угрозе исчезновения.

Кроме того, в наши дни бизнес-проекты, связанные с организацией культурных, досуговых центров, а также с развитием различных видов туризма внесли огромный вклад в осознание важности сохранения многих архитектурных объектов, ранее не считавшихся историко-культурным наследием. Например, многие индустриальные центры Западной Европы и США в 1970–80-х гг. в связи с переносом основных промышленных сил на азиатское пространство оказались подвержены глубокому экономическому и социальному кризису. Именно в них зародилась идея значимости бывших зданий заводов и фабрик с культурно-исторической точки зрения. Так было, например, в британских городах Ливерпуль, Манчестер и др., где удачно продуманные проекты по реновации и интерпретации промышленных объектов позволили притянуть широкие потоки туристов из самой Англии, а позже и со всего мира. В связи с этим были минимизированы последствия социального коллапса, вызванного закрытием предприятий. Определяющий фактор сохранения и почитания здесь стало действительно креативное переосмысление функции объекта.

Сегодня в Беларуси разворачивается несколько другой по смысловому наполнению процесс. Другой – потому что наследие буквально на наших глазах сменило в государственном дискурсе свою функцию с определяющего фактора закрепления национального самосознания на развитие рекреационного продукта. Ведущим мотивом ак-

тивизации работы местной администрации с историко-культурными памятниками является именно использование их в туристских целях. Тем самым памятники обретают новую, несвойственную им прежде функцию – инструмент для заработка денег. Причем активизируется не охрана, а скорее ревитализация, к тому же не всегда продуманная, когда за минимальный срок и минимальными средствами пытаются добиться максимального внешнего эффекта, часто не задумываясь о необходимости сущностных преобразований.

Итак, мы рассмотрели основные теории происхождения феномена почитания наследия. Трудно выделить среди них центральную, самую «правдоподобную», да и есть ли в этом необходимость? Скорее всего, они удачно взаимодополняют друг друга. Взятые в совокупности, эти теории могут составить первую часть современной антропологической теории недвижимого наследия, обращенную к исследованию базовых, ранее имплицитных понятий наследия.

1. Леви-Стросс К. Структурная антропология. – М.: Академический проект, 2008. – 560 с.
2. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая сторона. – Москва: Владимир Даль; Русский Остров, 2004. – 624 с.
3. Нора П. Предисловие к русскому изданию // П. Нора и др. Франция–память. – СПб.: Изд-во СПбун-та., 1999. – С. 17–50.
4. Dvořák M. Katechismus památkové péče. – Praha: Národní památkový ústav, 2004. – 195 s.
5. Pearce S.M. The Making of Cultural Heritage // Values and Heritage Conservation. Research Report. – Los-Angeles: TheGettyConservationInstitute, 2000. – P. 59-64.
6. Riegl A. Nowoczesnykulturytków. Jegoistotaipowstanie // Zabytekihistoria. – Warszawa: Mowiawieki, 2007. – S. 191–202.
7. Ruskin D. The seven lamps of architecture. – London: London Waverley Book Co, 1920. – 296 p.

Дулов А.Н., Юрчак Д.В.

ФЕНОМЕН ПАМЯТНИКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Витебск, Республика Беларусь

Культурный туризм, на наш взгляд, является одним из самых древних, так как его проявления мы можем найти уже на заре цивилизации. Правда, стоит учитывать, что мотивы и цели посещений памятников культуры (в современной трактовке этого понятия) в древности были иными. Но, перед тем как приступить к рассмотрению становления культурного туризма, стоит остановиться на историческом феномене памятника.

В современности под памятником в широком смысле принято понимать объект, составляющий часть культурного наследия страны, народа. При этом, по мнению И. Кравченко, «памятник» следует рассматривать как «элемент социальной памяти, как социальную память,